
Самсон Гелхвидзе
Сквозь тьму веков
Исторический роман
о Давиде IV Строителе
18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
СКВОЗЬ ТЬМУ ВЕКОВ - (роман)

https://litres.ru/74731842
SelfPub; 2026

Аннотация

Исторический роман «Сквозь тьму веков» посвящён одной из наиболее значительных фигур грузинской истории — царю Давиду IV Строителю, человеку, чьё правление стало эпохой возрождения и укрепления грузинского государства.

Автор последовательно проводит читателя через драматические годы становления молодого царя, его борьбу с внутренними раздорами и внешними врагами, создание сильного войска, Дидгорскую битву и возвращение Тбилиси. Однако в центре повествования находится не только государственный деятель и полководец, но и человек, которому приходится принимать тяжёлые решения, нести ответственность за судьбу народа и думать о будущем своей страны.

Особая ценность романа — стремление показать историю не исключительно глазами правителей и воинов, но и через судьбы простых людей, чьим трудом, мужеством и верой создавалось будущее Грузии. Художественные персонажи и вымышленные

диалоги помогают автору наполнить историческое повествование живыми человеческими переживаниями.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
СКВОЗЬ ТЬМУ ВЕКОВ - (роман)

СКВОЗЬ ТЬМУ ВЕКОВ

Исторический роман о Давиде IV Строителе

ПРОЛОГ

Страна, ожидавшая рассвета

Была такая пора в истории Грузии, когда человеку, покидавшему родной дом, уже нельзя было сказать, вернётся ли он к своему очагу. Он уходил, оставляя за спиной виноградник, который некому было обрезать, двор, где ещё недавно звучали детские голоса, и могилы предков, к которым теперь страшно было приблизиться. Он уходил не потому, что перестал любить свою землю, а потому, что хотел сохранить жизнь тем, кого любил.

Дороги опустели. На одних дорогах ещё виднелись следы телег, увозивших скудное имущество, на других лежали обломки повозок и брошенные вещи. Деревни, некогда шумевшие по утрам голосами пастухов и женщин, встречавших рассвет у домашних очагов, теперь стояли настороженно и молчаливо. Иногда из-за гор доносился глухой стук копыт, и тогда люди прекращали разговоры, прислушивались, а ма-

тери невольно притягивали к себе детей.

Страна не погибла. Но она устала настолько, что порой казалось: у неё больше не осталось сил сопротивляться.

Грузия переживала тяжёлое время. Сельджукские вторжения, разорение земель, борьба между феодальными властителями и ослабление царской власти сделали жизнь народа тревожной и непредсказуемой. Там, где прежде распоряжался царский закон, всё чаще решали сила и случай. Там, где должны были стоять защитники, нередко обнаруживались пустые крепости, а там, где требовалось единство, люди слишком часто вспоминали старые распри.

Однако земля помнила больше, чем люди. Она помнила царей, которые собирали её воедино, помнила молитвы в монастырях, звон колоколов над долинами, труд земледельцев и песни, которые матери пели детям. И даже теперь, когда над городами и селениями сгущалась тьма, в этой памяти сохранялось нечто, чего нельзя было отнять ни мечом, ни огнём.

Надо было только дождаться человека, который сумел бы услышать голос этой земли.

Но никто не знал, когда он появится. Никто не мог сказать, каким будет его лицо, каким окажется его характер и хватит ли у него сил принять на себя тяжесть целого царства. Люди ждали избавления, но, как это часто бывает в истории, не представляли себе, какой ценой оно может быть достигнуто.

В царском доме тоже не было покоя.

Георгий II, наследник могущественной династии Багратионов, получил в управление государство, которому требовались не только воинская отвага и царское достоинство, но прежде всего твёрдая рука, способная удержать разъединённые части страны. Время не щадило ни его самого, ни его владений. Внешние враги теснили Грузию, внутренние противоречия ослабляли её, а каждое новое поражение делало завтрашний день ещё более неопределённым.

И всё же царская жизнь продолжалась. При дворе принимали послов, обсуждали походы, выслушивали донесения, строили планы, которые порой рушились прежде, чем успевали воплотиться в жизнь. За тяжёлыми дверями дворцовых покоев существовали обычные человеческие заботы: семейные разговоры, надежды, обиды, тревоги за близких. История редко замечает их, хотя именно из таких незаметных мгновений складывается жизнь людей, которым однажды предстоит оказаться в её центре.

В 1073 году в семье Георгия II родился сын, которому предстояло стать одним из самых знаменитых правителей Грузии.

Его назвали Давидом.

В тот день никто не мог знать, что мальчику суждено будет принять корону в шестнадцать лет, когда царство находилось в глубоком кризисе. Никто не мог предвидеть, что ему предстоит не только воевать, но и менять устройство

государства, преодолевать сопротивление могущественных вельмож, создавать новую армию, возвращать земли и закладывать основы культурного расцвета страны.

Он родился не в то время, когда государство могло спокойно готовить наследника к будущему правлению. Он появился на свет в эпоху, когда само будущее Грузии оказалось под вопросом.

Но судьба человека не всегда определяется обстоятельствами его рождения. Иногда она определяется тем, что он сумеет сделать с тем наследством, которое ему досталось.

Давиду предстояло узнать цену власти, цену победы и цену человеческой жизни. Ему предстояло увидеть, как легко разрушить то, что создавалось поколениями, и как трудно восстановить утраченное доверие. Он узнает, что победить врага на поле боя порой легче, чем преодолеть раздор среди собственных людей. И что царская корона, сияющая на торжественных церемониях, в тяжёлые минуты становится прежде всего тяжестью ответственности.

Впереди были долгие годы испытаний. Будут поражения и победы, измены и верность, суровые решения и сомнения, которые государь не всегда сможет разделить даже с самыми близкими людьми. Будут дороги, ведущие через горы, ночные советы, походы, осады и битвы. Будет Дидгори — день, который навсегда останется в памяти Грузии. Будет возвращение Тбилиси и возрождение страны, казавшееся прежде почти невозможным.

Но всё это ещё находилось в будущем.

Пока же в царском доме рос мальчик по имени Давид. За стенами его мира лежала страна, нуждавшаяся в спасении, а за пределами страны сгущались силы, которые не собирались уступать ей дорогу.

Он ещё не знал, что однажды его назовут Строителем.

И, быть может, самое главное в его судьбе заключалось именно в этом: ему предстояло не просто вернуть утраченное, но доказать, что народ, прошедший сквозь тьму веков, способен вновь обрести своё достоинство, свою силу и веру в завтрашний день.

Так начиналась история Давида.

И история страны, которая ждала рассвета.

Глава первая. Земля, ожидавшая своего часа

В те годы Грузия ещё помнила себя великой страной, хотя всё меньше походила на ту державу, какой привыкла быть в воспоминаниях своих стариков. Её древние храмы по-прежнему поднимались над долинами, крепости по-прежнему венчали скалистые вершины, а реки продолжали нести свои воды через ущелья, не обращая внимания на человеческие бедствия. Но между этими горами, реками и городами постепенно исчезало самое важное — уверенность людей в завтрашнем дне.

Когда-то здесь знали цену государственному единству. Помнили царей, при которых границы страны были крепки, дороги безопасны, а князья, какими бы властолюбивыми

они ни были, всё-таки признавали над собой власть единого престола. Теперь же прежнее согласие рассыпалось. Каждый сильный феодал стремился распоряжаться собственными владениями так, словно за пределами его крепостных стен больше не существовало ни царства, ни народа, ни общей судьбы.

С севера и юга приходили тревожные вести. Селджукские отряды появлялись там, где ещё недавно крестьяне спокойно пахали землю и собирали урожай. Они угоняли скот, жгли селения, уводили пленников, а жители, едва успевшие собрать самое необходимое, уходили в горы, надеясь переждать очередное нашествие. Иногда они возвращались, но нередко находили на месте своих домов лишь обугленные стены и заросшие бурьяном дворы.

Грузинская земля пустела не сразу. Она уходила из рук людей медленно, мучительно, как уходит жизнь из тяжело раненного человека. Сначала переставали обрабатывать дальние поля, затем опустевшие деревни теряли последние семьи, потом зарастали дороги, по которым прежде проходили торговые караваны. В некоторых местах жизнь ещё продолжалась, но уже не было прежнего достатка, прежнего спокойствия и прежней веры в то, что власть способна защитить слабого.

В столице и царских владениях тревогу старались скрывать за привычными церемониями. При дворе всё ещё говорили о достоинстве короны, о древности династии Багратио-

онов и о том, что Грузия не может исчезнуть с исторической сцены. Однако одних слов было недостаточно. Стране требовались не новые обещания, а люди, способные вернуть ей силу.

Именно в такое время, в 1073 году, в семье царя Георгия II родился сын, которому предстояло стать одним из величайших правителей грузинской истории.

Его появление на свет не сопровождалось громом небес и не возвещалось чудесными знамениями, о которых позднее так любят рассказывать легенды. В тот день в Кутаиси, где находилась царская резиденция, просто родился ребёнок. Для родителей это было прежде всего семейное событие, для двора — продолжение династии, а для страны, переживавшей тяжёлые времена, — надежда, о значении которой тогда никто ещё не мог судить.

Мальчика назвали Давидом.

Он появился на свет в доме, где история не была отвлечённым предметом для учёных и летописцев. Она находилась рядом, за стенами дворца, в разговорах посланников, в тревожных донесениях военачальников, в ожидании новых столкновений и в молчании тех, кто возвращался с границ. Здесь знали, что власть — это не только право повелевать, но и тяжесть ответственности, которую невозможно передать другому человеку, когда приходит час испытания.

Отец мальчика, царь Георгий II, принадлежал к древнему роду Багратионов. Он получил в наследство корону, но вме-

сте с ней — и страну, положение которой становилось всё более опасным. Его царствование было отмечено борьбой с внешними врагами и внутренними противоречиями. В нём не было недостатка в мужестве, однако одного мужества оказалось недостаточно, чтобы остановить распад прежнего порядка.

Мать Давида, как и многие женщины царского дома, должна была жить в мире, где личные чувства нередко уступали место династическим обязанностям. Исторические сведения о её происхождении не вполне согласованы, поэтому мы не станем выдавать спорные версии за установленный факт. Но одно можно представить с достаточной уверенностью: рождение наследника было событием огромного значения для царской семьи.

Маленький Давид рос в окружении людей, которые знали цену слову «царство». Оно означало не только дворец, войско и право собирать дань. Оно означало земли, на которых жили разные люди, связанные общей верой, языком, памятью и привычаями. Оно означало ответственность за тех, кто не мог самостоятельно защитить себя от сильного соседа или вооружённого отряда.

Мальчик ещё не мог понимать всего этого. Он не знал, что однажды ему придётся спорить с могущественными князьями, перестраивать войско, менять устройство государства и принимать решения, от которых будут зависеть тысячи жизней. Он не знал, что его имя станут произносить с уважени-

ем далеко за пределами родной страны.

Пока он был просто ребёнком.

Но история уже приготовила ему судьбу, не похожую на судьбу обычного наследника.

Глава вторая. Детство среди тревог

Детство царского сына не было похоже на детство простого грузинского мальчика, хотя и в царских покоях не всегда удавалось укрыться от тревог, которыми жила страна. Здесь были учителя, слуги, придворные, священнослужители и военные люди, каждый из которых по-своему участвовал в воспитании наследника. Одни учили его читать и понимать священные тексты, другие рассказывали о предках, третьи объясняли устройство царского двора и отношения между князьями.

Но за пределами дворцовых стен жизнь была гораздо суровее.

В небольших селениях крестьяне начинали день с заботы о том, что ещё можно было спасти. Землю обрабатывали там, где это позволяла обстановка, скот старались держать поближе к жилищу, а известие о приближении чужого войска заставляло людей бросать работу и искать убежище. Никто не мог заранее знать, сколько дней продлится спокойствие и не окажется ли нынешний урожай последним перед очередным разорением.

На дорогах встречались странники, беженцы, монахи, торговцы, вооружённые всадники. Каждый нёс свою исто-

рию, но многие истории были похожи одна на другую. Кто-то потерял дом, кто-то — близких, кто-то покинул родное селение, потому что больше не мог прокормить семью. Люди продолжали жить, жениться, растить детей, строить небольшие жилища и молиться в храмах, но над повседневностью постоянно висела угроза.

В царском окружении понимали, что страна нуждается в переменах. Однако понимать беду ещё не означало знать, как её преодолеть. Грузинские владетели слишком часто думали о собственных интересах, а внешние враги умело использовали внутреннюю разобщённость. Сила одного князя могла оказаться опаснее для другого грузинского князя, чем угроза, приходившая из-за границы.

Давид рос, наблюдая мир, в котором слово отца не всегда становилось законом для тех, кто должен был ему подчиняться. Он видел людей, которые являлись ко двору с поклонами, но за стенами дворца преследовали собственные цели. Он слышал разговоры о потерянных крепостях и землях, о непокорных владетелях, о нехватке воинов и о необходимости искать союзников.

Мы не располагаем подробными свидетельствами о каждом эпизоде его детства, поэтому не будем приписывать ему вымышленные разговоры или поступки, будто они записаны современниками. Но художественный роман вправе восстановить атмосферу эпохи, показать вероятные сцены и человеческие отношения, сохраняя честность перед историей.

Именно так мы и будем поступать.

Особое место в воспитании будущего царя занимало образование. Давиду предстояло стать не только воином, но и человеком, способным понимать сложное устройство государства, ценить знания и осознавать духовную роль церкви. Впоследствии его деятельность подтвердит, что он не ограничивался военным искусством. Он будет заниматься преобразованием управления, укреплением церкви, развитием образования и культуры.

Но пока до этого было далеко.

Георгий II оставался царём, и именно ему приходилось отвечать за положение страны. Его власть слабела, а обстоятельства становились всё тяжелее. История не оставила нам оснований изображать его человеком, которому было безразлично будущее Грузии. Скорее, он оказался правителем, не сумевшим справиться с кризисом, масштабы которого превосходили возможности прежних методов управления.

Для Давида это обстоятельство станет одним из важнейших уроков жизни: наследовать корону ещё не значит получить в свои руки государство. Можно иметь древний титул, родословную и царские регалии, но если люди не чувствуют защиты, если войско не способно остановить врага, а местные властители не признают единой власти, то корона становится лишь символом утраченного могущества.

Годы шли. Мальчик превращался в юношу, и вместе с ним менялась страна, хотя перемены эти далеко не всегда были к

лучшему. Весть о разорённых селениях уже не казалась редким несчастьем. Опасность стала частью повседневной жизни. Люди привыкали к ней так же, как привыкают к суровой зиме, хотя в глубине души каждый надеялся, что однажды всё будет иначе.

К концу 1080-х годов положение Грузии достигло предела. Царская власть нуждалась в укреплении, войско — в преобразовании, а страна — в руководителе, который сумел бы соединить разрозненные силы и заставить их действовать ради общего будущего.

Давиду было всего шестнадцать лет.

В таком возрасте большинство молодых людей только начинали понимать, что представляет собой жизнь. Ему же предстояло принять ответственность, которую несли на себе взрослые правители, полководцы и государственные мужи. И ответственность эта заключалась не в том, чтобы просто сохранить престол. Перед ним вставал гораздо более трудный вопрос: сможет ли он вернуть Грузии право самой распоряжаться собственной судьбой?

В 1089 году Георгий II уступил престол своему сыну. Так шестнадцатилетний Давид стал царём Грузии.

Возможно, в тот день многие смотрели на него с надеждой. Другие — с сомнением. Третьи, вероятно, уже оценивали, насколько легко будет влиять на юного государя и использовать его неопытность в собственных интересах.

Но теперь отступать было некуда.

Перед Давидом лежала страна, которую предстояло не просто защищать, а заново собирать воедино. И первым испытанием нового царя станет не великая битва, не торжественная победа и не возвращение утраченных городов. Первым испытанием станет борьба за саму возможность быть царём в стране, где слишком многие привыкли жить без сильной царской власти.

Так начиналось царствование Давида IV.

И так начиналась долгая дорога, за которую потомки назовут его Строителем.

Глава третья. Отец и сын

Георгий II всё чаще замечал, что сын перестал быть ребёнком. Это происходило не вдруг, не после какого-нибудь одного события, которое можно было бы назвать переломным. Давид взрослел постепенно, и перемены в нём прежде всего проявлялись в том, как он слушал людей, как смотрел на происходящее и какие вопросы задавал.

В царском доме было немало людей, готовых объяснять юному наследнику, каким должен быть настоящий государь. Одни говорили о воинской доблести, другие — о мудрости, третьи напоминали о древности рода Багратионов и о священном достоинстве царской власти. Но Давиду всё чаще казалось, что за красивыми словами скрывается нечто гораздо более трудное. Он видел, что могущественные люди, которые при встрече с царём склонялись перед ним, далеко не всегда исполняли его волю. Слышал, как во дворце обсужда-

ли очередное неповиновение князей, и понимал, что между царским приказом и его исполнением пролегает расстояние, которое не измерить ни милями, ни днями пути.

Однажды вечером, когда за окнами уже сгущались сумерки, Давид попросил отца принять его.

Георгий находился в своих покоях. Перед ним лежали донесения, несколько писем и карта царских владений, на которой были отмечены крепости, дороги и области, где положение оставалось особенно тревожным. Царь выглядел усталым. В последние годы он всё чаще испытывал ту особенную тяжесть, которая приходит к человеку, когда накопившиеся трудности уже нельзя объяснить отдельными неудачами.

— Ты хотел меня видеть? — спросил он, отложив письмо.

— Да, отец.

— Садись.

Давид остался стоять.

— Я хотел спросить тебя о царстве.

Георгий поднял глаза.

— О каком именно царстве? О том, которое описывают летописцы, или о том, которым приходится управлять?

— Разве они разные?

Царь некоторое время молчал, затем указал сыну на карту.

— Подойди.

Давид приблизился.

— Посмотри. Здесь наши земли, здесь крепости, здесь до-

роги, по которым должны двигаться войска и торговые караваны. На этой земле живут люди, которые считают себя подданными грузинского царя. Но далеко не все из них готовы повиноваться ему. Одни князья требуют самостоятельности, другие договариваются с соседями, третьи ждут, кто окажется сильнее, чтобы вовремя перейти на его сторону.

— Но ведь они дают клятву верности.

— Клятва, сын мой, не всегда означает верность.

— Тогда зачем они её дают?

Георгий усмехнулся, хотя в этой усмешке не было веселья.

— Потому что иногда человеку выгодно обещать то, чего он не собирается исполнять.

Давид внимательно рассматривал карту. Он знал названия многих крепостей, слышал о столкновениях между владетелями, но теперь впервые пытался увидеть всё это как одну общую картину.

— Если они не признают царскую власть, почему ты не заставишь их подчиниться?

Вопрос прозвучал просто, почти по-детски. Но Георгий не стал отвечать сразу.

— А чем я должен заставить их? — спросил он наконец. — Войском, которое не всегда может собрать достаточно людей? Приказом, который некому исполнить? Или угрозой, за которой не стоит сила?

Давид повернулся к отцу.

— Значит, царь не всегда может сделать то, что считает

необходимым?

— Именно это тебе следует понять прежде всего. Корона даёт право повелевать, но не создаёт силу сама по себе. Если государь не умеет удерживать людей вместе, его власть постепенно становится пустым звуком.

Эти слова Давид запомнил.

Возможно, Георгий и сам не заметил, насколько важный урок преподал сыну. Он говорил не как наставник, который заранее подготовил мудрое поучение, а как человек, слишком хорошо знавший цену собственным неудачам.

— А если бы у тебя было достаточно войска? — спросил Давид.

— Тогда многое могло бы измениться.

— А если бы князья не спорили друг с другом?

— Изменилось бы ещё больше.

— Значит, нам нужно сильное войско и единство князей.

— Нам нужно государство, — ответил Георгий. — А это гораздо труднее, чем кажется.

Он встал и подошёл к окну. Вечерний свет уже почти исчез, и в стекле отражалось его лицо — лицо человека, который слишком долго смотрел на приближение беды и не сумел остановить её.

— Ты ещё молод, Давид. Не думай, что всё можно исправить одним решением. Иногда приходится выбирать между плохим и ещё худшим. Иногда уступка спасает людей, хотя кажется поражением. А иногда уступка становится началом

новых требований.

— Но если всё время уступать, можно потерять страну.

Георгий обернулся.

— Да. И если никогда не уступать, можно потерять её ещё быстрее.

Между отцом и сыном наступило молчание.

Давид не знал, что именно заставило Георгия произнести эти слова с такой горечью. Возможно, царь вспоминал собственные решения, переговоры, неудачные попытки договориться с сильными владетелями и те обстоятельства, в которых ему приходилось принимать условия, противоречившие его достоинству. Но юный наследник почувствовал, что за ответом отца скрывается нечто большее, чем обычная государственная осторожность.

— Отец, а ты когда-нибудь думал, что всё могло бы сложиться иначе?

Георгий посмотрел на него внимательно.

— Каждый правитель думает об этом. Но прошлое не возвращается. Можно лишь попытаться не повторять его ошибок.

— А если ошибки совершены не только тобой?

— Тогда тебе придётся разбираться и с чужими ошибками тоже.

Царь подошёл к столу, собрал несколько бумаг и положил их в сторону.

— Запомни, Давид. Тебе достанется не только корона тво-

их предков. Тебе достанутся их незавершённые дела, их победы, их поражения и долги, которые они оставили после себя. Ты не сможешь выбрать только то, что тебе нравится.

— Я понимаю.

— Нет, пока ещё не понимаешь. Но, может быть, когда-нибудь поймёшь.

В тот вечер Давид покинул отцовские покои поздно. Он шёл по длинному коридору, освещённому редкими светильниками, и думал о том, что услышал. Ему хотелось верить, что отец ошибается в своей оценке обстоятельств. Хотелось думать, что достаточно сильной воли, чтобы заставить непокорных князей вспомнить о долге, а воинов — о присяге.

Но в глубине души он уже начинал понимать: государство нельзя восстановить одним желанием.

Прошло некоторое время.

Встречи отца и сына становились всё более редкими. Георгий был занят делами царства, а Давид всё чаще участвовал в обсуждениях, на которых прежде присутствовал лишь как слушатель. Он знакомился с людьми, от которых зависела жизнь государства, изучал донесения и постепенно привыкал к тому, что за каждым политическим решением стоят человеческие судьбы.

И всё же между ним и отцом сохранялась особая связь. Давид не перестал уважать Георгия, несмотря на то что видел слабость его правления. Он понимал, что судить человека, находящегося в центре исторической бури, гораздо легче

потомкам, чем тем, кто вынужден принимать решения среди самой бури.

Георгий тоже видел перемены в сыне. В нём росла твёрдость, но не было той беспечности, которая иногда сопровождает юношеское стремление к власти. Давид всё чаще задавал вопросы, на которые нельзя было ответить одной фразой.

Однажды царь наблюдал, как сын беседовал с несколькими военными людьми. Давид не перебивал их, не пытался продемонстрировать превосходство своего положения. Он слушал, уточнял, просил объяснить причины неудач и интересовался не только числом воинов, но и тем, насколько они подготовлены, чем обеспечены и кому действительно верны.

Георгий понял, что перед ним уже не просто наследник престола.

Перед ним был человек, которому вскоре предстояло принять на себя бремя царской власти.

И, возможно, именно тогда он впервые почувствовал не только отцовскую гордость, но и тревогу.

Потому что отец может желать сыну великой судьбы, но далеко не всегда способен желать ему тех испытаний, через которые эта судьба проходит.

Глава четвёртая. Корона, которую нельзя было принять легко

К концу 1080-х годов Грузия находилась в таком положении, когда привычные способы управления уже не приноси-

ли ожидаемых результатов. Внешняя опасность продолжала угрожать стране, а внутренние противоречия делали её ещё более уязвимой. Царская власть существовала, но её влияние далеко не всегда распространялось туда, где оно было необходимо.

Для Георгия II это становилось всё более тяжёлым испытанием.

Он не мог не понимать, что государству требуется новое руководство. Но признать необходимость перемен означало признать и собственную неспособность преодолеть кризис. Для человека, воспитанного в сознании династического достоинства и ответственности перед предками, подобное решение не могло быть простым.

Давид же постепенно осознавал, что его положение меняется. Теперь он уже не мог оставаться в стороне от происходящего. Люди, прежде обращавшиеся к нему как к царскому сыну, всё чаще искали его мнения. Одни надеялись, что молодой наследник сумеет вернуть государству силу. Другие рассчитывали, что неопытным правителем будет легче управлять. Третьи опасались, что его появление на престоле нарушит сложившиеся порядки и лишит их привычного влияния.

При дворе не было единодушия.

Каждый видел будущее по-своему, но почти все понимали, что прежнее положение не может сохраняться бесконечно.

В 1089 году произошло событие, определившее дальнейшую судьбу страны. Георгий II уступил престол своему сыну Давиду, которому было всего шестнадцать лет.

Исторические свидетельства позволяют установить сам факт этой перемены, но не дают нам подробной картины всех семейных разговоров и обстоятельств, сопровождавших её. Поэтому мы можем представить её художественно, не выдавая созданные сцены за документально засвидетельствованные события.

Представим себе утро, когда в царском доме уже знали: решение принято.

Давид находился в своих покоях. Перед ним лежала одежда, приготовленная для официальной церемонии. Слуги старались двигаться бесшумно, придворные появлялись и исчезали, передавая распоряжения. За дверями слышались приглушённые голоса.

Но сам Давид почти не обращал внимания на происходящее.

Он смотрел на свои руки.

Ещё недавно эти руки принадлежали юноше, которому предстояло учиться, наблюдать и готовиться к будущему. Теперь от него ожидали решений, способных изменить жизнь всей страны.

В дверь постучали.

Вошёл Георгий.

Некоторое время отец и сын молчали. Между ними боль-

ше не было прежней дистанции, но теперь она уступала место чему-то другому — осознанию того, что их отношения вступают в новую, непривычную для обоих фазу.

— Ты готов? — спросил Георгий.

— Не знаю, отец.

Царь внимательно посмотрел на него.

— Это честный ответ.

— Разве можно быть готовым к тому, чего ещё никогда не делал?

— Нельзя. Но иногда приходится начинать прежде, чем почувствуешь себя готовым.

Давид поднялся.

— Я не хочу, чтобы ты думал, будто я принимаю корону потому, что считаю себя лучше тебя.

Георгий опустил глаза.

— Я не думаю этого.

— Я знаю, что ты пытался сохранить страну.

— Пытался, — тихо ответил царь. — Но попытки не всегда становятся результатом.

— Я не забуду того, чему ты меня учил.

Георгий подошёл к сыну и положил руку ему на плечо.

— Тогда запомни ещё одно. Не позволяй людям убедить тебя, что царская власть существует ради самой себя. Корона нужна не для того, чтобы перед ней склонялись. Она нужна для того, чтобы люди могли жить под защитой закона и не бояться каждого нового рассвета.

Давид долго смотрел на отца.

— А если ради этого придётся идти против тех, кто сегодня стоит рядом со мной?

— Тогда тебе придётся решить, кто действительно стоит рядом с тобой, а кто лишь ждёт удобного случая.

Эти слова прозвучали почти так же, как сказанные им когда-то за картой царских владений. Но теперь они приобретали совсем иной смысл.

Вскоре Давид предстал перед людьми, собравшимися по случаю перемены власти.

Для многих присутствующих он оставался юношей. Они видели в нём сына Георгия, наследника древнего престола, человека, которому ещё предстояло доказать своё право распоряжаться судьбой государства. Другие уже пытались разглядеть в нём будущего правителя, способного восстановить утраченное могущество Грузии.

Давид не мог знать, сколько среди них было искренних сторонников, а сколько — осторожных наблюдателей, готовых изменить своё отношение в зависимости от первых результатов его правления.

Но он знал другое: отныне каждое его решение будут оценивать не только по намерениям, но прежде всего по последствиям.

Корона стала знаком новой эпохи.

Однако вместе с ней Давид получил страну, в которой ещё предстояло восстановить порядок, вернуть доверие и дока-

зать, что царская власть может быть не только древним символом, но и действующей силой.

В первые дни после вступления на престол ему пришлось знакомиться с положением дел уже не как наследнику, а как государю. Теперь ему докладывали о состоянии крепостей, численности войска, настроениях владетелей, положении казны и угрозах на границах. Каждое донесение открывало новую сторону кризиса.

В одном сообщении говорилось о неповиновении местного владетеля. В другом — о разорённых селениях. В третьем — о необходимости укрепить оборону на одном из направлений. За сухими словами скрывались судьбы людей, и Давид постепенно понимал, что царская власть не оставляет человеку возможности выбирать только приятные для себя дела.

Он попросил представить ему подробные сведения о состоянии войска.

Ему объясняли, сколько людей можно собрать, какие отряды находятся в распоряжении царя, где расположены укрепления и насколько надёжно их снабжение.

— А сколько из этих людей готовы сражаться за страну? — спросил он.

Докладывавший военный человек замялся.

— Государь, они служат царю.

— Я спросил не об этом. Сколько из них готовы сражаться, даже если рядом не будет царя?

В комнате стало тихо.

Ответа не последовало.

Давид понял, что ему предстоит начинать с самого основания. Недостаточно было собрать людей под царскими знамёнами. Требовалось создать войско, которое будет способно действовать организованно, соблюдать дисциплину и понимать, ради чего оно сражается.

Но прежде чем приступить к преобразованиям, необходимо было укрепить саму царскую власть.

Именно здесь молодого государя ожидало первое серьёзное испытание.

Могущественные владетели привыкли к самостоятельности. Они не собирались добровольно отказываться от своих привилегий только потому, что на престол взошёл новый царь. Некоторые из них могли приветствовать перемены, надеясь получить дополнительные преимущества. Другие предпочитали выжидать.

Давид понимал: если он позволит каждому распоряжаться собственными владениями как независимым государством, то однажды обнаружит, что царская корона осталась у него, а само царство исчезло.

Однако он ещё не располагал достаточной силой, чтобы немедленно изменить сложившийся порядок.

Ему предстояло научиться самому трудному искусству государя — соединять решительность с терпением.

Вечером, когда официальные церемонии закончились, Давид остался один.

Перед ним лежала карта Грузии.

Он долго смотрел на неё, словно пытался увидеть не только горы, реки, города и крепости, но и ту страну, которой она могла бы стать.

За пределами дворца продолжалась обычная жизнь. Где-то женщины готовили вечернюю пищу, крестьяне возвращались с полей, монахи завершали дневные молитвы. Люди не знали, какие решения принимались сегодня в царском доме. Им было важно другое: чтобы завтра можно было спокойно открыть дверь своего жилища, чтобы дорога до соседнего селения не стала опасной, чтобы дети росли не под постоянным страхом очередного нашествия.

Именно ради этих людей, хотя многие из них никогда не увидят своего царя, Давиду предстояло трудиться долгие годы.

Он ещё не знал, какие испытания ждут его впереди. Не знал, сколько раз придётся начинать заново и сколько человеческих жизней окажется связано с его решениями.

Но одно он уже понимал: принять корону было гораздо легче, чем оправдать надежды, которые люди возложили на неё.

Так началось царствование Давида IV.

Впереди лежала долгая дорога, и первый её участок проходил не через поле великой битвы, а через запутанный мир человеческих интересов, старых обид, политических расчётов и борьбы за власть.

Грузии предстояло вновь стать единой. Но прежде ей нужно было научиться доверять своему царю.

Глава пятая. Шестнадцатилетний царь

Весть о восшествии Давида на престол быстро разошлась по грузинским землям. Её передавали всадники, прибывавшие из разных областей, обсуждали в княжеских резиденциях, монастырях и крепостях. Для одних это событие означало начало новой надежды, для других — наступление времени неопределённости, а для третьих становилось поводом задуматься о том, насколько легко будет сохранить прежнее положение при новом государе.

Шестнадцать лет — возраст, когда человек только начинает осознавать собственные возможности. Но Давид не мог позволить себе роскошь юности. Его детство прошло среди тревожных известий, разговоров о потерянных землях и споров о судьбе государства. Теперь всё, что прежде казалось ему предметом наблюдения, превратилось в личную ответственность.

В первые недели царствования он старался как можно больше узнавать о положении страны. Его интересовали не только отношения между князьями и состояние войска, но и повседневная жизнь простых людей. Он хотел знать, какие дороги ещё безопасны, где крестьяне покинули свои дома, какие крепости нуждаются в укреплении и насколько исправно поступают доходы в царскую казну.

Некоторые придворные удивлялись подобной обстоятель-

ности.

— Государь, — однажды заметил один из приближённых, — подобные сведения обычно поручают собирать управляющим. Царю не следует заниматься каждой подробностью.

Давид поднял глаза от лежавших перед ним документов.

— А как же мне принимать решения, если я не знаю, что происходит в стране?

— Для этого существуют советники.

— Советники могут рассказать мне о стране. Но отвечать за неё придётся мне.

Придворный поклонился, не найдя подходящего ответа.

Давид не стремился показать окружающим, что считает себя мудрее людей, служивших при дворе задолго до его восшествия на престол. Он понимал, что среди них есть опытные государственные деятели, военные и духовные лица, знающие обстоятельства, о которых ему ещё только предстояло узнать. Но он не собирался превращать их опыт в замену собственному разуму.

Ему необходимо было научиться отличать искренний совет от искусного оправдания чужих интересов.

Особенно трудно складывались отношения с некоторыми представителями грузинской знати. Для многих из них молодой царь представлялся человеком, с которым можно договориться на привычных условиях. Они были готовы признавать его достоинство, участвовать в церемониях и произносить слова верности, но не желали отказываться от само-

стоятельности.

Однажды во дворец прибыли посланники одного из влиятельных владетелей. Их приняли с соблюдением всех положенных обычаев. Они передали приветствия своему государю, выразили почтение молодому царю и сообщили, что их господин готов сохранять добрые отношения с царским домом.

Давид внимательно выслушал их.

— Ваш господин признаёт власть грузинского царя? — спросил он.

Старший посланник слегка склонил голову.

— Наш господин всегда относился с уважением к царскому престолу.

— Я спросил не об уважении. Я спросил о власти.

Посланник осторожно подбирал слова.

— Он желает сохранять свои древние права и обычаи.

— Никто не требует от него забывать происхождение своего рода. Но разве древность рода освобождает человека от обязанностей перед страной?

Посланники переглянулись.

— Мы передадим вашему величеству... — начал старший, но тут же поправился: — Мы передадим нашему господину слова царя.

— Передайте ему ещё кое-что. Я не собираюсь унижать его дом и отнимать то, что принадлежит ему по праву. Но не может быть так, чтобы каждый владетель сам решал, когда

ему быть подданным царя, а когда считать себя независимым государем.

После их ухода один из советников заметил, что молодому царю следовало бы проявить большую осторожность.

— Эти люди могут оказаться опасными, — сказал он. — Их господин располагает крепостями и вооружёнными людьми.

— Именно поэтому я и должен был сказать ему правду, — ответил Давид.

— Правда не всегда укрепляет власть.

— Но ложь никогда не делает её прочной.

Советник замолчал.

Впрочем, Давид понимал, что одних слов недостаточно. Государство не становилось сильнее оттого, что царь правильно формулировал свои требования. Требовалось создать условия, при которых исполнение царской воли перестанет зависеть исключительно от личного расположения отдельных владетелей.

Именно здесь начиналась настоящая работа.

Давид всё чаще собирал совещания, на которых обсуждались состояние царских владений, военные возможности и отношения с соседними государствами. Он стремился понять, какие силы ещё сохраняли верность престолу, а какие лишь ожидали удобного случая.

Особое внимание уделялось людям, которые могли стать опорой будущих преобразований. Среди них были опытные

военные, представители духовенства и государственные служащие, готовые поставить общие интересы выше личной выгоды.

Но доверие нельзя было получить одним назначением. Оно проверялось поступками.

Давид начал с того, что внимательно изучал людей, прежде чем поручать им ответственные дела. Он не торопился с громкими обещаниями и не стремился окружить себя исключительно молодыми сторонниками. Ему были нужны не те, кто соглашался с каждым его словом, а те, кто мог указать на ошибку, даже рискуя вызвать неудовольствие государя.

Однажды после продолжительного совещания один из военачальников задержался у выхода.

— Государь, могу ли я сказать вам то, что не решился произнести при остальных?

— Говори.

— Некоторые из тех, кому вы доверяете, не разделяют ваших намерений.

— Это я уже понял.

— Тогда почему вы продолжаете поручать им важные дела?

Давид некоторое время смотрел на него.

— Потому что человек может не разделять моих намерений и всё же хорошо исполнять порученное ему дело. Я не стану требовать от каждого одинаковых мыслей. Но я буду

требовать верности государству.

— А если он окажется неверен?

— Тогда его поступки дадут мне ответ.

Военачальник поклонился. В этом коротком разговоре он увидел не юношескую горячность, а осторожность, которая могла оказаться куда опаснее для противников царской власти, чем открытая вспыльчивость.

Тем временем за пределами дворца жизнь продолжала оставаться тяжёлой. В некоторых областях крестьяне возвращались к оставленным полям, но не были уверены, что смогут собрать урожай. Купцы опасались дальних дорог. Владетели небольших крепостей предпочитали рассчитывать прежде всего на собственные силы.

Давид понимал, что восстановление государства невозможно без восстановления обычной жизни. Нельзя требовать от человека верности стране, если эта страна не способна защитить его дом.

Однажды ему представили сообщение о положении нескольких селений, пострадавших от набегов. Царь долго изучал документ, затем спросил:

— Сколько семей вернулось?

— Точного числа пока нет, государь.

— Почему?

— На местах ещё не произведён полный подсчёт.

— Кто отвечает за это?

Названный чиновник оказался человеком, давно служив-

шим при дворе. Он объяснил, что сведения собираются медленно, поскольку жители рассеялись по разным местам.

Давид не стал обвинять его в бездействии. Он распорядился направить людей, которые могли бы установить действительное положение дел, выяснить, в чём нуждаются вернувшиеся семьи, и доложить о возможностях восстановления хозяйства.

— Мы не можем считать землю возвращённой только потому, что на ней больше нет чужого отряда, — сказал он. — Если там некому жить и некому обрабатывать поля, она ещё не стала частью сильного государства.

Эти слова передавали потом другим служащим, и постепенно молодого царя стали воспринимать иначе.

Он не обещал немедленно прекратить все бедствия. Не говорил, что одним указом вернёт стране прежнее могущество. Но он требовал, чтобы каждое решение имело практический смысл.

И всё же главная опасность оставалась впереди.

Внешние враги не собирались отказываться от своих притязаний, а внутренние противоречия продолжали ослаблять страну. Давид понимал, что рано или поздно ему придётся столкнуться с теми, кто не захочет добровольно признавать усиление царской власти.

Но теперь он уже не смотрел на эту перспективу с прежней юношеской неопределённостью.

Он начинал понимать, что государственное возрождение

— это не одно великое событие, а последовательность решений, каждое из которых требует мужества, терпения и способности отвечать за последствия.

Вечером Давид снова остался перед картой.

Он провёл рукой над обозначениями крепостей, задержался на горных проходах и дорогах, ведущих к южным рубежам.

Ему ещё предстояло пройти через поражения, переговоры и тяжёлые компромиссы. Он ещё не знал, когда появится возможность начать настоящие преобразования.

Но шестнадцатилетний царь уже сделал первый шаг.

Он перестал ждать, когда обстоятельства станут благоприятными.

Он начал готовить страну к тому дню, когда она сможет сама определять свою судьбу.

И этот день, хотя пока ещё скрытый за горизонтом, постепенно приближался.

Глава шестая. Первые решения

У каждого правителя наступает момент, когда он перестаёт быть наследником чужих решений и начинает отвечать за собственные. Для Давида этот момент наступил очень рано.

Он получил престол в шестнадцать лет, но вместе с ним не получил ни послушного войска, ни спокойных границ, ни единодушной знати. Ему досталось государство, в котором многое требовало немедленного вмешательства, хотя возможности для такого вмешательства оставались ограничен-

ными.

Первые месяцы нового царствования проходили в напряжённой работе.

Давид стремился разобраться в устройстве управления, понять, кто распоряжается доходами царских владений, как выполняются распоряжения центральной власти и насколько надёжно организована связь между отдельными областями. Он хотел знать, где заканчивается власть царского чиновника и начинается самостоятельное распоряжение местного владетеля.

Чем больше он узнавал, тем яснее становилось, что проблема заключается не только в отдельных людях.

За долгие годы ослабления царской власти сложился порядок, при котором многие вопросы решались на местах без участия центрального управления. Некоторые владетели привыкли самостоятельно определять военные обязательства, собирать доходы и устанавливать отношения с соседями. В результате царство всё больше напоминало совокупность отдельных владений, соединённых общей исторической памятью, но далеко не всегда общей волей.

Давид не собирался разрушать этот порядок одним ударом. Он понимал, что подобная попытка могла бы вызвать сопротивление, с которым молодой царь пока не сумел бы справиться.

Поэтому первые решения должны были быть продуманными.

Однажды утром он созвал небольшое совещание. Присутствовали несколько приближённых, военные советники и люди, отвечавшие за управление царскими владениями.

На столе лежали документы с перечнем доходов и расходов.

— Начнём с того, что нам известно, — сказал Давид. — Я хочу получить полную картину состояния царской казны.

Один из служащих ответил, что необходимые сведения собираются.

— Когда они будут готовы?

— Потребуется время, государь.

— Сколько?

— Возможно, несколько недель.

— А если мы будем ждать несколько недель, кто-нибудь сможет сказать мне, сколько средств находится в распоряжении царя сегодня?

Чиновник замялся.

— Точные сведения отсутствуют.

Давид повернулся к остальным.

— Тогда мы не знаем, чем располагаем, и одновременно должны принимать решения. Разве это не опасно?

Один из советников попытался объяснить, что подобное положение сложилось не вчера и что прежние правители также не всегда имели возможность получать сведения из всех областей.

— Я не спрашиваю, кто виноват, — ответил Давид. — Я

спрашиваю, как исправить положение.

Началось обсуждение. Одни предлагали направить дополнительных сборщиков, другие — проверить отчёты местных управляющих, третьи считали необходимым ограничиться сведениями из тех владений, которые непосредственно подчинялись царю.

Давид выслушал всех.

В конце совещания он распорядился подготовить сведения о доходах и расходах царских владений, проверить исполнение обязательств и выяснить, какие средства могут быть направлены на укрепление обороны.

Это было решение без громких слов, но оно имело важное значение. Молодой государь хотел управлять не догадками и обещаниями, а сведениями, которые позволяли бы оценивать действительное положение страны.

Следующим вопросом стало состояние крепостей.

В разных частях Грузии существовали укреплённые пункты, имевшие большое значение для обороны и контроля над дорогами. Однако наличие крепости ещё не означало, что она способна выдержать осаду. Требовались люди, продовольствие, оружие, исправные стены и командиры, которые понимали свою ответственность.

Давид попросил представить ему сведения о наиболее важных укреплениях.

— Мы должны знать не только то, кому принадлежит крепость, — сказал он во время обсуждения. — Нужно знать,

кто её защищает, сколько там людей и на какое время хватит запасов.

— Государь, некоторые владетели могут воспринять подобную проверку как вмешательство в их дела, — заметил советник.

— Если крепость имеет значение для безопасности всей страны, она не может быть только частным делом её владельца.

Эту мысль он повторял всё чаще.

Постепенно в его распоряжениях начинала проявляться главная особенность будущей политики: он стремился восстановить способность государства действовать как единое целое.

Но было бы ошибкой представлять первые годы его царствования временем непрерывных успехов. Давиду ещё предстояло пережить тяжёлые обстоятельства, и не каждое его решение могло сразу принести желаемый результат.

Особенно непросто складывались отношения с людьми, привыкшими к прежнему положению.

Некоторые придворные воспринимали требования молодого царя как проявление неопытности. Они полагали, что он слишком торопится, задаёт лишние вопросы и вмешивается в дела, которыми прежде занимались другие.

Однажды один из старших советников, человек с большим придворным опытом, попросил Давида поговорить с ним наедине.

— Государь, я позволю себе сказать то, что, возможно, вам не понравится.

— Говори.

— Вы слишком часто требуете отчётов. Люди начинают опасаться, что любое их действие будет подвергнуто проверке.

— А разве они не должны отвечать за свои действия?

— Должны. Но если вы будете постоянно проверять каждого, то однажды рядом с вами останутся только те, кто умеет составлять красивые отчёты.

Давид внимательно посмотрел на советника.

— Ты считаешь, что я должен доверять людям?

— Я считаю, что без доверия невозможно управление.

— Согласен. Но доверие не означает, что я должен закрывать глаза на то, что происходит.

Советник задумался.

— Вы правы, государь. Но помните: иногда человек способен служить лучше, если чувствует, что его ценят.

— А иногда он начинает злоупотреблять доверием именно потому, что чувствует свою незаменимость.

Впервые за разговором на лице советника появилась улыбка.

— Похоже, вы уже начинаете понимать придворную жизнь.

— Я стараюсь понять страну, — ответил Давид. — Придворная жизнь составляет лишь небольшую её часть.

Советник поклонился.

Этот разговор ещё раз подтвердил, что молодой царь не собирается управлять исключительно с помощью страха. Он хотел создать порядок, в котором человек мог бы рассчитывать на уважение, если добросовестно исполнял свои обязанности, но не мог бы прикрывать бездействие высоким происхождением или близостью к престолу.

Вскоре ему пришлось столкнуться с другой стороной царской ответственности.

Из одной области пришла весть о конфликте между местным владетелем и людьми, находившимися под его покровительством. В сообщении говорилось о несправедливых поборах и жалобах жителей. Проверить все обстоятельства сразу было невозможно, но сам факт обращения к царю свидетельствовал о том, что люди всё ещё надеялись получить защиту центральной власти.

Давид приказал разобраться в происходящем.

— Если жалоба окажется ложной, это тоже должно быть установлено, — сказал он. — Но если люди действительно подвергаются притеснениям, никто не должен считать своё положение разрешением обращаться с ними как угодно.

Один из приближённых заметил, что вмешательство может вызвать недовольство влиятельного владетеля.

— Я не собираюсь искать себе врагов, — ответил Давид. — Но не собираюсь и отказываться от обязанностей царя только потому, что кто-то может быть недоволен.

Для него это было не просто вопросом справедливости. Он постепенно приходил к пониманию, что власть должна проявляться в защите людей, иначе она теряет нравственное основание.

И всё же в его распоряжении пока не было достаточно сил, чтобы обеспечить исполнение каждого решения.

Поэтому Давид учился выбирать последовательность действий. Он не мог одновременно изменить устройство управления, восстановить войско, подчинить непокорных владетелей и защитить все границы. Но он мог определить, с чего начинать.

В его представлении государство должно было иметь три прочные опоры: законную власть, организованное войско и верность людей, которые понимали, что защищают не только собственные владения, но и общую родину.

Эти мысли ещё не сложились в законченную программу преобразований. Но именно из них постепенно вырастали решения, которым предстояло изменить Грузию.

Поздним вечером Давид вновь принимал доклады.

Один из военных сообщил о тревожных известиях с южных направлений. Другой говорил о необходимости усилить наблюдение за дорогами. Третий просил выделить средства на содержание людей, охранявших важный укреплённый пункт.

Царь выслушал каждого и распорядился подготовить предложения.

Когда все ушли, он некоторое время сидел неподвижно.

За окнами стояла ночь. Вдали мерцали огни, а над городом поднималось холодное звёздное небо.

Давид подумал о том, что каждый день приносит новые заботы, а число нерешённых вопросов почти не уменьшается. Иногда ему казалось, что он пытается удержать в руках слишком многое одновременно.

Но затем он вспоминал слова отца: корона нужна не для того, чтобы перед ней склонялись, а для того, чтобы люди могли жить под защитой закона.

Эта мысль возвращала ему ясность.

Он понимал, что ещё не стал тем правителем, каким хотел бы быть. Ему предстояло учиться, ошибаться, исправлять ошибки и принимать решения, последствия которых нельзя будет отменить.

Однако первые шаги уже были сделаны.

И теперь главным испытанием становилось не то, насколько мудрые слова произнесёт молодой царь, а то, сумеет ли он превратить свои намерения в действительные перемены.

Потому что Грузии требовался не просто наследник древней династии.

Ей требовался государь, способный вернуть ей будущее.

Глава седьмая. Между верностью и изменой

Осень постепенно вступала в свои права. В горных долинах по утрам уже чувствовалась прохлада, а над лесистыми склонами всё чаще задерживался туман. В царских владени-

ях жизнь шла своим чередом, но за внешним спокойствием скрывалось напряжение, которое ощущалось даже в стенах дворца.

Давид уже успел понять, что царская власть не становится сильнее только оттого, что её обладатель ежедневно отдаёт распоряжения. Некоторые приказы исполнялись без промедления, другие встречали молчаливое сопротивление, а третьи словно исчезали где-то между дворцовыми покоями и владениями могущественных князей.

Особенно тревожили его сведения о поведении отдельных представителей знати. Они продолжали приезжать ко двору, участвовали в церемониях, выражали почтение молодому государю, но при этом не спешили менять привычный образ жизни. Их вооружённые люди оставались подчинёнными местным господам, доходы собирались по старым правилам, а распоряжения царских представителей нередко встречали сопротивление.

Однажды вечером Давид получил сообщение, которое заставило его отложить все остальные дела.

В нём говорилось о том, что один из влиятельных владетелей не исполнил распоряжения царского управления, касавшегося военной службы. Более того, прибывший с поручением царский посланник был вынужден вернуться, так и не добившись встречи с хозяином крепости.

Давид перечитал донесение.

— Кто-нибудь объяснил мне, почему человек, получив-

ший власть над частью царской земли, считает себя вправе не отвечать на царский приказ?

Присутствовавший при докладе советник осторожно произнёс:

— Государь, этот владетель принадлежит к древнему роду. Его предки пользовались значительным влиянием ещё при прежних царях. Он привык самостоятельно распоряжаться своими людьми.

— А разве его предки были царями всей Грузии?

— Нет, государь.

— Тогда почему он ведёт себя так, будто царская власть должна спрашивать у него разрешения?

Советник опустил глаза.

— Возможно, ему кажется, что новый государь ещё не располагает достаточной силой, чтобы настоять на своём.

Давид поднялся.

— Значит, он решил испытать меня.

— Подобное вполне возможно.

— А остальные?

— Остальные наблюдают.

Царь некоторое время ходил по комнате.

— Вот что меня беспокоит больше всего. Каждый ждёт, чем закончится первое столкновение. Если я отступлю, они решат, что можно требовать большего. Если отвечу слишком резко, они могут объединиться против меня.

— Именно поэтому вам следует действовать осторожно.

Давид остановился.

— Осторожность не должна превращаться в бездействие.

Он распорядился пригласить нескольких советников и подготовить ответное послание. В нём требовалось напомнить владетелю о его обязательствах перед царём и предложить прибыть ко двору для объяснения причин отказа.

Однако послание ещё не было отправлено, когда произошло нечто неожиданное.

В дверь вошёл молодой служащий, сопровождавший царских посланников.

— Государь, прибыл человек из крепости. Он просит немедленно принять его.

— Кто он?

— Один из воинов, служащих владетелю. Говорит, что привёз известие, которое не может доверить никому другому.

Давид распорядился ввести его.

Вошёл мужчина лет сорока. Его одежда была запылена, на сапогах виднелись следы долгой дороги. Он поклонился, но выглядел настолько уставшим, что едва держался на ногах.

— Как тебя зовут? — спросил царь.

— Гурам, государь.

— Откуда ты прибыл?

— Из крепости, где служу уже много лет.

— Что привело тебя ко мне?

Мужчина некоторое время молчал, словно собираясь с

мыслями.

— Государь, я не знаю, правильно ли поступаю. Мой господин не простит мне этой поездки, если узнает о ней. Но я видел, что происходит, и не могу больше молчать.

— Говори.

— Он собирает людей. Не для того, чтобы защищать царские земли. Он готовится к тому, чтобы не исполнять ваши распоряжения и удержать крепость даже в том случае, если вы потребуете её подчинения царскому управлению.

Советник, стоявший неподалёку, нахмурился.

— Ты понимаешь, что обвиняешь своего господина в неповиновении царю?

— Понимаю.

— И чем докажешь свои слова?

Гурам поднял голову.

— Я не принёс вам письма с печатью. Но я видел, как собирали оружие, слышал разговоры людей, которым поручено готовиться к столкновению, и знаю, что несколько соседних владетелей уже посылали туда своих представителей.

Давид внимательно посмотрел на него.

— Почему ты решил обратиться именно ко мне?

— Потому что я грузин, государь.

Ответ прозвучал так просто, что никто не сразу нашёлся что-либо сказать.

— Я служил своему господину, — продолжил мужчина. — Мой отец служил его отцу. Я не хочу предавать дом, ко-

торому принадлежал всю жизнь. Но я также не хочу, чтобы грузины поднимали оружие друг против друга, когда чужие войска разоряют нашу землю.

Давид приблизился к нему.

— А если твой господин узнает, что ты рассказал мне всё это?

— Он назовёт меня изменником.

— Ты боишься?

— Боюсь, государь. У меня семья. Двое детей. Жена осталась в крепости.

Давид долго молчал.

Он впервые так ясно увидел, что за словами о верности и измене стоят не только интересы князей и государства. Стоят конкретные люди, которые оказываются перед выбором, иногда гораздо более трудным, чем выбор, совершаемый правителем.

— Ты поступил смело, Гурам, — сказал он. — Но я не стану просить тебя рисковать жизнью ради красивых слов. Тебе будет предоставлено безопасное место, а твою семью мы постараемся защитить.

— Благодарю, государь.

— И ещё одно. Не каждый человек, который не согласен со своим господином, становится верным царю. Я должен проверить твои слова. Ты понимаешь?

— Понимаю.

После ухода Гурама советники ещё долго обсуждали

услышанное.

Некоторые предлагали немедленно направить войско к крепости. Другие считали, что следует дождаться дополнительных сведений. Третьи опасались, что известие о заговоре может оказаться ложным и что поспешные действия только укрепят позиции противников.

Давид выслушал всех.

— Мы не станем начинать войну на основании одного сообщения, — сказал он. — Но и делать вид, будто ничего не произошло, не будем.

Он приказал установить наблюдение за передвижениями людей в этой области, проверить сведения о связях между владетелями и выяснить, кто именно участвовал в подготовке возможного сопротивления.

Затем обратился к старшему советнику:

— Скажи мне, как ты думаешь, что хуже для царя: открытый враг или человек, который называет себя верным слугой, но ждёт удобного случая?

Советник задумался.

— Открытого врага легче распознать, государь.

— А значит, легче подготовиться к встрече с ним.

— Да.

— Тогда почему люди так часто боятся открыто говорить о своих намерениях?

— Потому что правда заставляет выбирать сторону.

Давид медленно кивнул.

Он начинал понимать, что борьба за единство страны будет гораздо сложнее, чем представлялось ему прежде. Враги находились не только за пределами царства. Иногда они скрывались за стенами собственных крепостей, носили грузинские имена и обращались к царю с почтительными словами.

Но он также понимал, что нельзя объявлять врагом каждого, кто сомневается или спорит.

Государству требовалась не слепая покорность, а настоящая верность.

Поздно вечером, когда советники разошлись, Давид вышел на открытую галерею. Ветер приносил запах влажной земли и далёкого леса. Он остановился у каменной ограды и посмотрел на темневшие вдали горы.

Ему вспомнился Гурам — усталый человек, который оставил семью и отправился к царю, не зная, чем закончится его поступок.

Давид подумал, что однажды таких людей может оказаться гораздо больше. Но для этого они должны увидеть, что царская власть действительно способна защитить тех, кто остаётся верен стране.

А пока ему предстояло сделать так, чтобы сама идея единого царства перестала быть только воспоминанием о прошлом.

Он ещё не знал, что впереди его ждут годы тяжёлой борьбы, в которых придётся столкнуться с куда более опасными

противниками.

Но теперь он уже не сомневался: первые испытания начались.

И отступать было нельзя.

Глава восьмая. Цена первого шага

Утром следующего дня во дворце было необычно многолюдно. Прибыли несколько представителей знати, которых Давид пригласил для обсуждения вопросов, связанных с военной службой и положением царских владений.

Одни приехали вовремя, другие задержались, а один из приглашённых вообще не появился, сославшись на внезапную болезнь.

Давид заметил, что некоторые из присутствующих держатся настороженно. Они переглядывались, обменивались короткими фразами и, казалось, старались понять, насколько далеко намерен зайти молодой царь.

Совещание началось без лишних церемоний.

— Я пригласил вас не для того, чтобы выслушивать обещания верности, — сказал Давид. — Я хочу понять, каким образом мы можем защитить страну и восстановить порядок.

Один из князей, пожилой мужчина с седой бородой, слегка улыбнулся.

— Государь, разве наши дома не служили Грузии на протяжении многих поколений?

— Служили, — ответил Давид. — И я не собираюсь забывать этого.

— Тогда почему вы требуете от нас новых обязательств?

— Потому что обстоятельства изменились.

— Но древние права не исчезают только потому, что на престол взошёл молодой государь.

Давид посмотрел на него.

— Я не требую от вас забыть права своих домов. Я требую помнить об обязанностях перед страной.

Князь нахмурился.

— Иногда эти обязанности трудно согласовать с интересами отдельных владений.

— Тогда нам следует искать решение, которое не разрушит ни одно из них.

— А если такого решения нет?

— Значит, придётся выбирать, что важнее: благополучие отдельного дома или существование всего царства.

В зале стало тихо.

Пожилой князь откинулся на спинку кресла.

— Вы говорите так, будто готовы изменить весь порядок, сложившийся за долгие годы.

— Я говорю так, потому что прежний порядок не смог защитить страну.

— Государь, вы ещё очень молоды.

Давид не отвёл взгляда.

— Да. Но люди, которые старше меня, уже имели возможность изменить положение. Почему же вы считаете, что теперь я должен только продолжать то, что привело нас к ны-

нешнему состоянию?

Князь хотел ответить, но один из присутствующих опередил его.

— Ваше величество, возможно, нам следует начать с конкретных вопросов. Если вы намерены укреплять войско, мы готовы обсудить участие наших владений.

Давид повернулся к нему.

— Именно этого я и ожидаю. Нам нужно знать, какими силами располагает каждая область, сколько людей можно выставить в случае необходимости и каким образом будет организовано снабжение.

— Это можно сделать, — ответил князь.

— Тогда начнём.

Совещание продолжилось. Обсуждали численность вооружённых отрядов, состояние дорог, необходимость укрепления отдельных пунктов и порядок передачи донесений в царское управление.

Но Давид чувствовал, что за официальными ответами скрывается нечто большее. Некоторые присутствующие соглашались слишком легко, другие задавали вопросы, явно стремясь выиграть время. Никто не хотел первым открыто выступить против царя, однако далеко не все были готовы принять его требования.

После совещания один из молодых воинов подошёл к Давиду.

— Государь, могу я задать вопрос?

— Разумеется.

— Вы действительно верите, что князья добровольно согласятся отказаться от части своей самостоятельности?

Давид некоторое время смотрел на него.

— Нет.

— Тогда почему вы продолжаете с ними разговаривать?

— Потому что я хочу знать, кто готов сотрудничать, а кто намерен сопротивляться.

— Но если они не согласятся?

— Тогда придётся искать другой путь.

Молодой воин задумался.

— Значит, всё ещё впереди?

— Всё самое трудное, — ответил Давид.

В этот момент к ним подошёл один из служащих и сообщил, что прибыл гонец из области, о которой говорилось накануне.

Царь немедленно распорядился принять его.

На этот раз сведения оказались более определёнными. Передвижения вооружённых людей действительно имели место, однако установить, готовился ли владетель к открытому выступлению против царя, пока не удалось. Несколько соседних домов поддерживали с ним отношения, но характер этих контактов оставался неясным.

Давид не спешил с выводами.

— Мы должны знать правду, — сказал он. — Если человек готов выступить против царства, он должен понимать

последствия. Но если он лишь укрепляет собственную оборону, не собираясь нарушать обязательства, я не стану обвинять его без доказательств.

Один из советников спросил:

— А если он использует ваше терпение, чтобы выиграть время?

— Тогда мы должны использовать это время лучше него.

Царь распорядился продолжить наблюдение и подготовить меры на случай возможного обострения.

Однако главным результатом этих событий стало не решение одного конкретного вопроса.

Давид увидел, насколько сложным будет путь к восстановлению единства. Он понял, что нельзя просто заменить нескольких непокорных владетелей другими людьми и ожидать, что положение изменится. Необходимо было создать такой порядок, при котором интересы отдельных домов перестанут определять судьбу всей страны.

Для этого требовались новые государственные механизмы, надёжное войско, сильное управление и люди, способные служить не только собственному господину, но и общему делу.

Вечером Давид вновь встретился с отцом.

Георгий находился в саду. Он сидел неподалёку от старого дерева, под которым любил проводить время в более спокойные годы. Когда сын приблизился, царь поднял голову.

— Ты выглядишь уставшим, — заметил он.

— День был долгим.

— Уже понял, что управлять государством труднее, чем кажется со стороны?

Давид сел рядом.

— Да. Иногда мне кажется, что люди говорят со мной о единстве страны, но каждый понимает это слово по-своему.

Георгий слабо улыбнулся.

— Так было всегда.

— И что же делать?

— Сначала понять, чего они действительно хотят.

— А потом?

— Потом решить, с чем ты можешь согласиться, а с чем нет.

Давид некоторое время молчал.

— Отец, а ты когда-нибудь жалел, что стал царём?

Георгий посмотрел на сына.

Вопрос был неожиданным. Он не сразу ответил.

— Бывали дни, когда я жалел о принятых решениях. Бывали ночи, когда мне казалось, что лучше было бы жить обычной жизнью. Но я никогда не жалел о том, что родился в этой стране и был обязан ей служить.

— Даже если не удалось сделать всё, что хотел?

— Особенно тогда. Человек должен отвечать за свою жизнь не только в дни побед.

Давид опустил голову.

— Я не хочу однажды увидеть Грузию такой, какой она

досталась мне.

Георгий положил руку ему на плечо.

— Тогда постарайся сделать больше, чем смог я.

В этих словах не было ни обиды, ни оправдания. Только усталость отца и надежда, которую он возлагал на сына. Они ещё долго сидели в саду, почти не разговаривая.

И, возможно, именно этот вечер стал одним из тех незаметных мгновений, которые позднее обретают особое значение. История запоминает царей по победам, реформам и завоёванным городам, но за великими событиями всегда остаются человеческие отношения, которые редко попадают на страницы летописей.

Давид ещё не знал, что ему предстоит стать одним из величайших правителей своей страны. Георгий не мог знать, насколько далеко уйдёт его сын по дороге преобразований.

Но между ними уже существовала связь, которую не могли отменить ни смена власти, ни различие их судеб.

Отец передал сыну корону. А вместе с ней — память о том, что бывает, когда государство теряет способность защищать само себя. И теперь Давиду предстояло доказать, что эту способность можно вернуть.

Глава девятая. Царство, разорванное изнутри

Осень вступала в свои права медленно, словно и сама не решалась окончательно поверить, что лето отступило. На склонах гор уже проступала желтизна, по утрам над долинами стелился туман, а дороги, ещё недавно пыльные и сухие,

становились тяжёлыми от ночной сырости. В Кутаиси возвращались гонцы из разных концов страны, привозя вести, которые всё чаще заставляли царя задерживаться над картами и донесениями до глубокой ночи.

Давид постепенно убеждался в том, что главная опасность для Грузии заключалась не только в турецких набегах и не только в слабости царского войска. Страна была разорвана противоречиями, которые накапливались годами. Каждый крупный владетель привык считать свои земли почти самостоятельным владением, каждый влиятельный князь имел собственных воинов, собственные договорённости и собственное представление о том, каким должен быть царь. Одни признавали его власть, пока она не затрагивала их интересов; другие соглашались исполнять распоряжения только тогда, когда видели в этом непосредственную выгоду.

Царская печать ещё сохраняла прежний вес, но за ней уже не всегда стояла сила, способная заставить исполнить приказ.

Однажды утром Давид пригласил к себе нескольких приближённых. Среди них были военачальник, старый советник царского дома, управлявший прежде частью государственных владений, и человек, которому поручили собирать сведения о положении в западных областях. Последний, худощавый и немногословный, положил перед царём несколько свитков.

— Это донесения из Имеретии, — сказал он. — А эти

пришли из Картли. Есть вести и из восточных областей. Положение везде различается, но причина беспокойства одна.

— Какая же? — спросил Давид.

— Люди больше не уверены, что царский приказ обязателен для всех.

Старый советник недовольно повёл плечом.

— Не следует говорить так, будто государство уже перестало существовать. Князья всегда имели свои права. Так было при твоём деде, так было при твоём отце. И всё же царство сохранялось.

— Сохранялось ли оно? — тихо спросил Давид.

Советник поднял глаза.

— Государство не может быть устроено так, чтобы каждый день проверять верность каждого человека. Иначе царь проведёт жизнь среди подозрений.

— А если человек пользуется доверием царя, чтобы ослаблять его власть?

— Тогда он не заслуживает доверия.

— Но как отличить такого человека от того, кто просто защищает свои старые права?

На этот вопрос советник ответил не сразу.

Военачальник, до сих пор молчавший, наклонился над столом.

— Государь, мы слишком долго говорим о правах князей и слишком мало — о войске. Если завтра неприятель перейдёт границу, кто соберёт людей? Кто приведёт их под единое

знамя? Каждый владетель пошлёт столько воинов, сколько сочтёт нужным, и тогда нам придётся ждать, пока они договорятся между собой.

— А если один из них вовсе не придёт? — спросил Давид.

— Тогда придётся заставить его.

— Чем?

Военачальник посмотрел на царя и не ответил.

Давид встал и подошёл к окну. Внизу, во дворе, двое слуг спорили возле нагруженной телеги. Один требовал освободить дорогу, другой настаивал, что прежде должен проехать его обоз. Спор был пустяковым, но царь невольно задержал на нём взгляд. Даже в такой малости обнаруживалось то, что происходило со всей страной: каждый считал собственное дело важнее общего порядка.

— Вы говорите, что нужно заставить князей подчиняться, — произнёс он, не оборачиваясь. — Но если я начну с принуждения, они могут объединиться против меня. Если же буду ждать их доброй воли, то однажды выяснится, что у царя осталось только имя. Нам предстоит найти иной путь.

— Какой, государь? — спросил советник.

— Сначала я должен знать, кто действительно способен служить стране, а кто лишь говорит об этом. Кто готов исполнять обязанности, даже когда они становятся неудобными. Кто считает себя частью Грузии, а кто видит в ней только землю, на которой можно увеличить собственную власть.

— Это потребует времени, — заметил старик.

— Времени у нас немного, — ответил Давид. — Но ошибка может стоить ещё дороже.

После совещания царь распорядился, чтобы сведения о владениях, военных силах и доходах собирались не только через местных управляющих, но и через людей, которым он мог доверять. При этом он не хотел превращать страну в место, где каждый следит за каждым. Ему требовалось понять действительное положение дел, а не создать вокруг себя сеть страха и доносительства.

В последующие дни Давид принимал посланников из разных областей. Одни приезжали с покорными речами, другие говорили осторожно, словно каждое слово могло быть истолковано против них. Некоторые князья ссылались на разорённые хозяйства и невозможность содержать прежнее количество воинов. Другие требовали подтверждения своих привилегий. Были и такие, кто открыто заявлял, что не желает участвовать в военных походах за пределами собственных владений.

Особенно тяжёлым оказался разговор с одним из влиятельных владетелей, прибывшим в Кутаиси в сопровождении небольшой свиты. Он был человеком зрелых лет, уверенным в себе и привыкшим к тому, что с ним разговаривают на равных.

— Государь, — начал он, едва заняв предложенное место, — я желаю тебе долгих лет правления и процветания Грузии. Но ты должен понимать: нельзя требовать от людей то-

го, чего они не могут дать.

— Я не собираюсь требовать невозможного.

— Тогда позволь каждому управлять своими землями так, как он привык. Мы знаем своих людей, знаем их нужды и сами решаем, когда собирать воинов. Если же из столицы начнут присылать распоряжения по каждому вопросу, это только усилит недовольство.

— Ты говоришь о порядке, — заметил Давид. — Но кто отвечает за безопасность дорог, по которым проходят твои купцы? Кто защищает деревни, лежащие между твоими владениями и землями соседей? Кто должен помогать, если на тебя нападут извне?

— Прежде всего я сам.

— А если нападут на соседнюю область?

Князь пожал плечами.

— Это уже зависит от обстоятельств.

— Вот именно, — произнёс Давид. — Ты готов защищать то, что принадлежит тебе, но не считаешь себя обязанным защищать то, что принадлежит другому. А ведь неприятель не спрашивает, чья это земля. Он разоряет и твои селения, и чужие.

— Такова жизнь, государь.

— Нет. Такова наша слабость.

Князь впервые посмотрел на молодого царя без прежней снисходительности.

— Ты ещё очень молод, Давид. Тебе предстоит многое

узнать о людях. Не всякий, кто не исполняет твоё распоряжение, является врагом.

— С этим я согласен. Но и не всякий, кто называет себя верным царю, действительно верен стране.

Разговор закончился без ссоры, однако и без согласия. Когда гость покинул покои, Давид долго смотрел на закрывшуюся дверь. Он понимал, что не сможет одним приказом изменить привычки людей, которые десятилетиями жили по собственным правилам. Но ещё яснее он видел другое: если уступить каждому, кто потребует сохранить прежнее положение, то страна никогда не станет единой.

Вечером царь вышел во внутренний двор. Там, под старой стеной, сидел Гурам, которого Давид уже знал как человека наблюдательного и сдержанного. Воин поднялся при появлении царя.

— Ты сегодня долго разговаривал с князем, — сказал он.

— Ты слышал?

— Весть быстро разносится по дворцу.

— И что говорят?

— Одни считают, что ты был слишком мягок. Другие — что слишком строг. Кажется, каждый нашёл в твоих словах то, чего сам ожидал услышать.

Давид улыбнулся.

— Значит, я пока не научился говорить так, чтобы меня понимали одинаково.

— Возможно, дело не в словах, государь. Некоторые люди

понимают только то, что им выгодно.

— А ты что думаешь, Гурам? Можно ли объединить тех, кто привык жить отдельно?

Воин немного помолчал.

— Можно собрать людей под одним знаменем. Но это ещё не значит, что они станут одним войском. Одни будут сражаться за царя, другие — за своего князя, третьи — только за собственную жизнь. Пока каждый думает лишь о своём, общего войска у нас не будет.

— И что же необходимо?

— Чтобы человек знал, за что он сражается. И чтобы видел: тот, кто стоит рядом с ним, не бросит его ради собственной выгоды.

Давид внимательно посмотрел на воина.

— Ты говоришь о доверии.

— О нём, государь. Его нельзя приказать. Но без него никакая сила долго не продержится.

Эти слова остались в памяти Давида. Он всё чаще убеждался, что восстановление страны начнётся не с громких побед, а с тяжёлой и почти незаметной работы: с возвращения доверия к царской власти, с восстановления порядка, с воспитания ответственности у тех, кто привык отвечать только за собственные владения.

Поздно ночью он снова раскрыл донесения. На одном листе были перечислены селения, оставленные жителями после очередного набега, на другом — сведения о крепости, где

гарнизон давно не получал жалованья. В третьем говорилось о князе, который обещал прислать воинов, но до сих пор не выполнил обещания.

Давид отложил свиток и задумался. Перед ним лежала не просто карта владений. За каждым названием стояли люди, чьи дома могли быть сожжены, чьи дети могли остаться без отцов, чьи поля могли зарасти бурьяном. Для князей спор о привилегиях был вопросом власти, для царя же он всё чаще становился вопросом человеческой жизни.

Он понимал, что впереди его ждёт борьба не только с внешним врагом, но и с привычками собственного государства. И если он хотел изменить судьбу Грузии, ему предстояло найти людей, способных разделить с ним эту тяжёлую ответственность.

Глава десятая. Люди, на которых можно опереться

На следующий день Давид попросил подготовить для него список людей, служивших царскому дому в последние годы. Его интересовали не столько знатность и происхождение, сколько дела, которыми каждый мог подтвердить свою преданность. Он хотел знать, кто сохранял порядок в разорённых областях, кто защищал население во время набегов, кто не присваивал собранные налоги и кто продолжал выполнять обязанности даже тогда, когда царская власть почти не могла его поддержать.

Старый советник, которому поручили составить первоначальный список, отнёсся к этому распоряжению с осторож-

ностью.

— Государь, — сказал он, явившись с несколькими свитками, — я понимаю твоё желание найти надёжных людей. Но не следует забывать, что служба государству редко бывает бескорыстной. У каждого есть семья, владения, обязательства перед родом.

— Я и не ищу людей без собственных интересов, — ответил Давид. — Я ищу тех, кто способен поставить общее дело выше личной выгоды, когда этого требует положение страны.

— Таких немного.

— Тогда тем важнее их найти.

Советник развернул список.

— Здесь люди из разных областей. Некоторые служили ещё твоему деду. Есть молодые военачальники, есть управляющие, есть представители духовенства. Но я не поручился бы за каждого.

— И не нужно. Я не прошу тебя поручаться. Я прошу рассказать, что ты знаешь о каждом.

Они провели за разговором почти весь день. Советник вспоминал поступки людей, их прежние заслуги и ошибки, рассказывал о тех, кто пользовался уважением среди воинов, и о тех, чьё имя произносили с опаской. Давид внимательно слушал, задавал вопросы, иногда возвращался к одному и тому же человеку, желая понять, не противоречат ли друг другу полученные сведения.

Особенно его заинтересовал молодой военачальник из за-

падных областей, который после одного из набегов сумел собрать рассеявшихся жителей нескольких селений, организовал охрану дорог и восстановил связь между местными укреплениями. При этом он не принадлежал к одному из наиболее могущественных родов и не имел влиятельных покровителей.

— Почему о нём так мало говорят? — спросил Давид.

— Потому что он не стремится быть замеченным, — ответил советник. — Работает там, где ему поручено, и не вмешивается в дела тех, кто стоит выше него.

— А почему он до сих пор не служит при царском дворе?

— Возможно, его не приглашали.

Давид задумался.

— Пригласите его. Я хочу поговорить с ним лично.

Вскоре молодой военачальник прибыл в Кутаиси. Его звали Арсен. Он был не слишком высок ростом, говорил спокойно и держался без подобострастия, но и без той самоуверенности, которую Давид нередко замечал у людей, привыкших к близости знатных покровителей.

Царь принял его без большой свиты.

— Мне рассказали о твоей службе в западных областях, — начал Давид. — Говорят, ты помог восстановить охрану дорог и собрал людей после набега.

— Мы сделали то, что могли, государь.

— Почему ты говоришь «мы»? Ведь в донесении указано твоё имя.

— Потому что один человек не восстановит дорогу и не защитит селение. Мне помогали местные жители, несколько воинов и священник из соседнего монастыря. Если бы они не поддержали меня, ничего бы не вышло.

— А ты сам? Что заставило тебя взяться за это дело?

Арсен немного помолчал.

— Я видел, как люди уходят из своих домов. Некоторые возвращались, но находили только обугленные стены. Другие боялись даже приблизиться к прежним селениям. Я подумал, что если никто не возьмётся за охрану дорог, то вскоре там вообще некому будет жить.

— Ты мог потерять людей.

— Мог.

— И всё же продолжал?

— Если бы мы отступили, они потеряли бы ещё больше.

Давид внимательно посмотрел на него.

— Ты считаешь себя верным царю?

Арсен не поспешил с ответом.

— Я считаю себя верным Грузии, государь. А царю я готов служить постольку, поскольку он служит ей.

Советник, присутствовавший при разговоре, заметно напрягся. Подобная откровенность могла показаться дерзостью, однако Давид не рассердился.

— Значит, ты не станешь исполнять мой приказ, если сочтёшь его вредным для страны?

— Я сначала постараюсь понять, почему ты его отдал. Но

если увижу, что он действительно причинит вред, то обязан буду сказать тебе об этом.

— Даже если это будет неприятно?

— Особенно тогда.

Давид некоторое время молчал, затем спросил:

— А если после этого я всё равно прикажу исполнить его?

— Тогда я должен буду решить, могу ли продолжать службу. Но не стану притворяться, будто считаю правильным то, что считаю неправильным.

Советник уже собирался вмешаться, однако царь остановил его взглядом.

— Хорошо, Арсен. Мне нужны люди, которые не боятся говорить правду. Но помни: несогласие не освобождает от ответственности. Если ты считаешь приказ ошибочным, ты должен объяснить почему и предложить иной путь. Одних возражений недостаточно.

— Я понимаю, государь.

— Ты готов служить там, где я сочту необходимым?

— Если речь идёт о защите страны, готов.

— Тогда останься в Кутаиси. Мне предстоит поручить тебе дело, которое потребует терпения не меньше, чем храбрости.

После ухода Арсена советник обратился к царю:

— Ты уверен, что такой человек не станет со временем опасным? Он слишком свободно рассуждает о царской власти.

— А разве опасен человек, который способен возразить, не скрывая своих доводов?

— Для слабого правителя — безусловно.

— Значит, мне следует постараться не быть слабым.

Старик посмотрел на Давида и впервые за долгое время улыбнулся.

— Ты начинаешь понимать, государь, что власть состоит не только из приказов.

— Я начинаю понимать, что приказ, который никто не хочет исполнять, мало чего стоит.

В последующие недели царь продолжил встречи с людьми, чьи имена появлялись в донесениях. Не все они производили хорошее впечатление. Некоторые преувеличивали собственные заслуги, другие пытались использовать расположение молодого царя для сведения старых счётов. Были и такие, кто говорил правильные слова, но при первом же вопросе о конкретных обязанностях начинал ссылаться на обстоятельства.

Давид постепенно учился отличать искреннюю преданность от искусной лести. Он не торопился раздавать высокие должности и не стремился окружить себя только молодыми людьми, разделявшими его взгляды. Среди тех, кому он доверял, оставались и опытные советники, и военачальники старшего поколения. Он понимал, что государству необходимы не одинаковые люди, а люди, способные дополнять друг друга.

Однажды вечером Арсен встретил во дворе Гурама. Они прежде не были знакомы, но оба знали, что царь начал поручать им отдельные задания.

— Ты давно служишь при дворе? — спросил Арсен.

— Достаточно давно, чтобы понять, что дворцовая служба не всегда похожа на настоящую службу.

— А какая разница?

— Здесь иногда важнее знать, кому поклониться, чем знать, как защитить человека за стенами дворца.

Арсен усмехнулся.

— Надеюсь, царь сумеет изменить это.

— Он пытается. Но одного желания недостаточно.

— Ты ему доверяешь?

Гурам посмотрел на окна царских покоев.

— Я видел, как он слушает людей. Не перебивает, не торопится с ответом, не обещает того, чего не может выполнить. Это хорошее начало. Но доверие проверяется не разговорами. Оно проверяется тогда, когда становится опасно.

— Значит, нам ещё предстоит многое увидеть.

— Нам всем, — ответил Гурам.

Вскоре Давид поручил им совместно изучить положение нескольких укреплений и дорог, по которым в случае войны должны были передвигаться царские отряды. Работа оказалась нелёгкой. В одних местах не хватало людей, в других — оружия и припасов. Некоторые укрепления числились исправными только в старых отчётах, хотя на деле нуждались

в ремонте. Местные управляющие нередко объясняли недостатки нехваткой средств, но не всегда могли показать, куда именно были израсходованы собранные доходы.

Арсен предлагал начать с восстановления наиболее важных дорог и укреплений, Гурам настаивал на том, что прежде необходимо определить, какие из них действительно можно удерживать в случае нападения. Между ними возникали споры, но оба постепенно привыкали к тому, что их мнение не обязано совпадать.

Когда они представили царю первые результаты работы, Давид долго изучал записи.

— Вы предлагаете отказаться от содержания двух малых укреплений, — сказал он.

— Они не имеют достаточного значения, государь, — ответил Арсен. — Их гарнизоны слишком малы, а снабжение обходится дорого. Лучше укрепить дорогу и сосредоточить людей там, где они смогут принести больше пользы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.